

Обменявшись еще парой любезностей, старик Чжоу пригласил Фэн Ао в дом посмотреть на картину.

Услышав это, Чжоу Сяонин тут же отозвалась:

— Дедушка, вы с дядей Чжэном посмотрите картину, а можно Жэнь Ю останется со мной? Мы собираемся проводить дискуссионный клуб на английском, я хочу, чтобы он помог мне подготовиться.

Старику Чжоу не нужно было гадать, чтобы понять, что его внука преследует совсем иные цели. Он бросил на нее строгий взгляд:

— Целыми днями возишься со своей иностранщиной, скоро забудешь, как пишутся китайские иероглифы! Ступай-ка лучше с нами.

Чжоу Сяонин не посмела перечить. Подумав, что это тоже неплохой способ провести время рядом с Чжэн Ютином, она с улыбкой взяла деда под руку и, отпустив пару кокетливых шуток, чтобы задобрить его, заставила старика рассмеяться и покачать головой.

Дворецкий ловко достал картину и передал ее господину Чжоу.

— Цзиньфэн, подойди, взгляни, как написана эта тушевая орхидея, — позвал старик.

Орхидея символизирует чистоту и благородство, поэтому третий сын Чжоу, разыскивая для отца такой свиток, проявил немало усердия.

Фэн Ао подошел ближе. На слегка пожелтевшей бумаге тушью была выведена ветка орхидеи, которая при ближайшем рассмотрении дышала необычайной утонченностью и изяществом. Старик Чжоу прокомментировал:

— Хотя авторство установить не удалось, стиль очень напоминает работы мастера Сюйгу. Однако каллиграфия сбоку — твердая и резкая — сильно отличается от широкого, волевого почерка мастера, но всё же это весьма достойная работа. Жаль лишь, что последняя строка за столетия стерлась, и теперь невозможно разобрать, что там было написано.

Оценивая живопись, старик Чжоу сильно заблуждался насчет Фэн Ао. Хотя тот и прожил целую жизнь в эпоху, которую современные люди называют древностью, за те годы он был занят лишь изучением боевых искусств и каллиграфии, а затем основал Демонический дворец, чтобы править миром. У него не было ни времени, ни склонности к созерцанию цветов или написанию картин.

Однако на эту надпись стоило взглянуть. Присмотревшись, он заметил:

— В мазках чувствуется характер, почерк холодный и строгий, сквозит некая гордыня, но при этом в нем всё еще не изжита юношеская порывистость. Полагаю, тот, кто это писал, был еще молод.

Это мнение совпало с мыслями старика Чжоу, и он с улыбкой заметил, что они с Фэн Ао и вправду на одной волне.

Чжоу Сяонин, которую Чжэн Ютин упорно игнорировал, чувствовала себя подавленной. Видя, как радуется дед, она подошла поближе и вгляделась в свиток.

— Фиолетовая орхидея сияет в пустом ущелье, белый иней крадет ее призрачный цвет, аромат... год близится к закату... — она задумалась и воскликнула: — Это же стихи Чжан Цзюлина, верно? А следующая строка — О, как безмерны чувства горестных раздумий! — так ведь?

Старик Чжоу довольно улыбнулся:

— Ну вот, значит, не всё ты еще позабыла, девчонка.

Чжоу Сяонин расцвела, но, взглянув на Чжэн Ютина и увидев, что он остался равнодушен к ее познаниям, почувствовала, как радость от похвалы деда поутихла.

— Дедушка, ты ведь всегда говорил, что Жэнь Ю глубоко сведущ в древней литературе. Может, попросишь его дописать последнюю строку? Я ни разу не видела, как он пишет кистью.

Его руки больше привыкли к оружию, чем к кисти.

Старик Чжоу прекрасно знал подноготную Жэнь Ю. Все эти разговоры о глубоких познаниях Чжэн Ютина были лишь ширмой для окружающих. Видя, что внучка не унимается, он незаметно перевел тему:

— Я-то много чего повидал. Не окажет ли мне Цзиньфэн честь, дописав строку?

Чжоу Сяонин проворчала:

— А он вообще умеет? Если напишет плохо, только картину испортит.

Старик Чжоу бросил на нее суровый взгляд, и она замолчала.

Чжэн Ютин украдкой взглянул на Фэн Ао. Увидев, что на лице того нет ни тени беспокойства, и он даже с улыбкой ответил: Это будет для меня честью, — после чего направился к письменному столу выбирать кисть, он был поражен, хотя и быстро взял себя в руки.

...Всё было не так.

Чжэн Ютин не мог сказать с уверенностью, что знает своего отца, но он никогда не слышал, чтобы тот владел каллиграфией. Это было так же удивительно, как и его невероятные навыки боя и опасный, непостижимый характер, о которых он раньше не догадывался.

Фэн Ао держал кисть мастерски — без многолетней практики такой почерк был бы невозможен.

Свободные, летящие иероглифы на рисовой бумаге поразили Чжоу Сяонин. Она не ожидала, что этот заместитель мэра, о котором Фан Чжиань отзывался с таким пренебрежением, называя его мягкотелым, способен на такое. Для нее, знающей о каллиграфии лишь поверхностно, хорошим почерком был тот, что выглядел красиво, загадочно и артистично, заставляя рассматривать его снова и снова — совсем как у ее деда.

Чжоу Сяонин заворуженно наблюдала за ним. Это восхищение не имело ничего общего с личными чувствами, это было то самое невольное любование, которое испытывает любая женщина при виде чего-то эстетически безупречного.

Бессмертный дух, элегантность и утонченность.

Несмотря на то, что на нем был деловой костюм, в том, как он владел кистью, чувствовался древний мудрец, сошедший со свитка тушевой живописи.

Такая статья... если можно так выразиться, ей показалось, что он выглядит даже убедительнее ее деда.

Старик Чжоу погрузился в глубокие раздумья. Чжэн Ютин посмотрел на Фэн Ао секунду, но тут же отвел ошарашенный взгляд.

У каждого из присутствующих были свои мысли, но в тот момент, когда Фэн Ао закончил писать, все они замерли.

О, как безмерны чувства горестных раздумий.

Традиционные иероглифы наполнили эти пять слов смыслом, и, казалось, даже выраженное в них чувство обрело некую далекую, архаичную глубину.

Старик Чжоу, глядя на почерк Фэн Ао, не переставал удивляться:

— Должен признать, я побежден. Цзиньфэн еще молод, но его мастерство и внутренняя культура несравнимы с обычными людьми. Сегодня я получил от тебя настоящий урок.

Чжэн Ютин не подал виду, но его терзали сомнения, о которых знал только он.

После того как старик Чжоу еще немного похвалил гостя, последовала череда пустых разговоров, а в конце он пригласил Фэн Ао остаться на ужин. Тот не отказался.

Старик Чжоу сказал дворецкому:

— Это первый раз, когда Цзиньфэн остается у нас на ужин, проследи, чтобы кухня постаралась. Есть ли у тебя какие-то предпочтения в еде? О, точно, мне тут перепала бутылка отличного вина, негоже тебе ее пропускать.

В его голосе звучало всё больше теплоты, он явно перестал считать Фэн Ао чужаком. Однако втайне он ни на миг не ослаблял свою слежку за ним.

В народе говорят, что почерк — это зеркало души. По мнению старика, такой почерк — резкий, но в то же время сдержанный и мягкий — не мог принадлежать тому Фэн Ао, которого он себе представлял. Но и предположить, что Фэн Ао намеренно изменил стиль, чтобы его обмануть, было невозможно. Он прекрасно понимал: так легко менять манеру письма, отходя от своих привычек, — задача не из легких.

Он не знал, что когда Фэн Ао обучался боевым искусствам в школе Цзяньмэнь, у него был один дядя-наставник, который вечно конфликтовал с учителем и постоянно был наказан переписыванием правил школы. Он часто просил Фэн Ао помочь ему. Со временем Фэн Ао перенял стиль того наставника, и сейчас это выходило у него совершенно естественно.

Подумав об этом, Фэн Ао невольно вздохнул.

Тот случай из прошлого стал для него способом скрыть свою личность. Если бы он написал в своем обычном, агрессивном и воинственном стиле, подозрительный старик Чжоу увидел бы в этом новую угрозу. Люди, занимающие высокое положение, всегда говорят о том, как одинока вершина, и стремятся втянуть каждого встречного в свои игры, чтобы помериться силой. Фэн Ао оставалось лишь подыграть им до конца.

После ужина в доме Чжоу Фэн Ао откланялся и ушел.

Старик Чжоу вернулся в кабинет и снова взял в руки картину, разглядывая высохшие иероглифы. Спустя долгое время он передал свиток Чжэн Ютину.

— Время. Столица. Письмена. Совпадение... — пробормотал старик, делая паузы после каждого слова, словно обдумывая что-то важное. В его глазах снова промелькнула мрачная тень. Он поднял голову и спросил: — Жэнь Ю, ты веришь в то, что в этом мире бывают случайные совпадения?

Чжэн Ютин отвел взгляд от надписи, оставленной Фэн Ао, и глухо произнес:

— Господин Чжоу, что вы намерены делать?

Старик Чжоу холодно усмехнулся, а затем вдруг тяжело вздохнул:

— Жэнь Ю, еще раз проверь подноготную этого Чжэн Цзиньфэна.

Он всё же не мог успокоиться. То, что он смог возвысить семью Чжоу до нынешних высот и остаться невредимым, напрямую зависело от его подозрительности и осторожности.

Чжэн Ютин кивнул.

Старик Чжоу перестал крутить кольцо на пальце, и через мгновение выражение хищной жестокости исчезло с его лица. Он сказал Фэн Ао:

— Ты пробыл у меня достаточно долго. Если я продолжу тебя задерживать, тот старый призрак решит, что я плохо с тобой обращаюсь. Завтра отправляйся к Чжоу Да, прими у него дела, а его самого отправь обратно.

Чжэн Ютин не возразил.

Они оба прекрасно понимали: старик Чжоу лишь поручает ему временное исполнение обязанностей, но не собирается доверять по-настоящему важные дела. Все эти извинения перед старым другом, который его рекомендовал, были пустой болтовней. Напротив, он специально отзывает Чжоу Да, чтобы поручить ему нечто более важное — то, что может сделать только человек, которому он доверяет на все сто и который никогда его не предаст.

Вернувшись в свою комнату, Чжэн Ютин долго стоял в тишине у двери.

Время. Столица. Письмена.

В период, когда центр власти намерен расправиться с семьей Чжоу, этот человек, внезапно прибывший из столицы, чтобы занять пост бесполезного заместителя мэра, да еще и так удачно соответствующий вкусам старика Чжоу к древней культуре — как это могло не вызвать высочайшей степени бдительности?

Он соответствовал всем критериям, но при этом был последним человеком, от которого можно было ожидать подобного!

От одной мысли об этом у Чжэн Ютина на лбу собирались складки. Он лучше кого бы то ни было знал, через какие тернии прошел его отец, чтобы оказаться на этом забытом богом посту. Но всё это были детали, о которых семья Чжоу не должна была даже догадываться, иначе одного лишь факта, что он — старший молодой господин семьи Чжэн, хватило бы, чтобы его разорвали на куски.

И надо же было этому случиться именно сейчас!

А этот человек еще и не слушал его предупреждений, лез прямо в пасть к семье Чжоу, словно ищет смерти!

Чжэн Ютин редко испытывал такую досаду.

Ли Хуэй всю дорогу сдерживался, опасаясь водителя, но, едва они вошли в дом Фэн Ао, не выдержал:

— Мэр, зачем вы ходили к семье Чжоу? Что это за внезапный интерес к картинам? По-моему, у них точно на уме что-то недоброе, вам нужно быть осторожнее. Или, может, они узнали, что мы задумали? Фан Хайцзюнь ведь их будущий родственник, не они ли собираются против нас выступить?

Фэн Ао уже привык к его периодической болтливости.

— В этом мире нерушимы только интересы, — ответил он.

В уголках его рта застыла насмешка.

Ли Хуэй понял его слова: для такой структуры, как семья Чжоу, где переплетены интересы, какой-то там Фан Хайцзюнь, к тому же с приставкой будущий, был лишь удобной пешкой. Будь он на их месте, он бы не стал тратить силы и время из-за такого человека.

Однако, часто слушая наставления Фэн Ао, Ли Хуэй с удивлением обнаружил, что его идеальный и безжалостный лидер в глубине души, кажется, был полон цинизма, совершенно не вяжущегося с его обычным поведением. Он присмотрелся к Фэн Ао и с любопытством спросил:

— Мэр, вы пессимист? Всегда думаете о худшем.

Видя, что Фэн Ао молчит, он не удержался:

— В жизни ведь главное — смотреть на вещи оптимистично, иначе какой смысл жить? Разве не говорят, что кратчайшее расстояние — прямая линия? Мозг весь в извилинах, но эволюция ведь стремилась к тому, чтобы мыслительные пути стали прямыми? Меньше петлять — дольше не состаришься. Люди — субъективные существа. Если ты хочешь, чтобы предмет был круглым, твои глаза обманут тебя и покажут его круглым. Если относиться ко всему оптимистично, то и дела будут...

Его нравоучения затихли под ироничным взглядом Фэн Ао, и вскоре он совсем умолк.

Хихикнув, Ли Хуэй демонстративно посмотрел на часы:

— Ого, уже так поздно! В общем, не буду мешать вам отдыхать, завтра утром заеду... ой, нет, завтра же суббота. Я пойду, отдыхайте, хорошего отдыха. — Говоря это, он пятился к выходу, а добравшись до двери, выскочил наружу, будто у него загорелись штаны.

Фэн Ао лишь спустя время покачал головой.

Когда человек живет не ради смысла жизни, а просто чтобы выжить, когда он ничего не ждет от этого мира и заранее готов к худшему — разве это не своего рода философия выживания?

Даже в эпоху мира эти следы крови, выжженные в костях, никуда не делись, и этот инстинкт — всегда готовиться к худшему — уже не изменить.

Ли Хуэй вернулся домой. Телефон зазвонил через пару секунд после того, как он вошел. Он поспешно ответил и услышал знакомый голос:

— Где ты шляешься так поздно?! Думаешь, раз нас разделяют две тысячи километров, я не могу тебя достать, и ты осмелел? — Мужчина явно звонил не первый раз, и от беспокойства перешел на привычный тон. Сказав это, он немного пожалел, но Ли Хуэй уже объяснялся: — Не ори, не ори, я по работе был.

За десять с лишним лет они привыкли друг к другу, и мужчина понимал, что Ли Хуэй не станет с ним спорить. Но это объяснение лишь раззадорило его:

— Твой начальник совсем с ума сошел? Сегодня суббота, а он тебя эксплуатирует! У него что, секретаря нет? Чего он к тебе пристал?

Ли Хуэй уклончиво отшутился. С тех пор как он узнал истинное лицо мэра и начал выполнять его незаконные поручения, он перестал жаловаться на Фэн Ао. Не потому что боялся, что мужчина плохо о нем подумает, а потому что знал: если тот узнает правду, то примчится сюда, чтобы сразиться с Фэн Ао и забрать его отсюда.

Ли Хуэй не хотел подвергать его опасности.

Они болтали о том о сем, и несколько раз мужчина хотел что-то сказать, но запинался. Ли Хуэй забеспокоился:

— Что ты хотел мне сказать?

— А-Хуэй... — мужчина так и не решился озвучить свои тревоги, поэтому грубо буркнул: — Просто води себя там тихо. Помни, лететь всего три часа, не доводи до того, чтобы я приехал и устроил тебе взбучку!

Ли Хуэй фыркнул:

— Еще посмотрим, кто кому устроит.

Тут он хлопнул себя по лбу — он забыл рассказать Фэн Ао, что хочет вступить в отряд спецподготовки! После слов Фэн Ао заключенным у него в голове крутилась только одна мысль: наконец-то у него появился шанс выбиться в люди!

Под вопросы мужчины Ли Хуэй глупо хихикал.

Завтра обязательно нужно не забыть!

Однако мечты Ли Хуэя были безжалостно разрушены Фэн Ао.

Фэн Ао окинул его взглядом, проигнорировал горящий в глазах помощника энтузиазм и произнес как гром среди ясного неба:

— С твоими данными на освоение базы уйдет не меньше десяти лет.

Десять лет... Десять! Да он в старика превратится!

Как и планировалось, Чжэн Ютин прибыл в провинцию Сычуань, чтобы занять место Чжоу Да.

Сычуань была первым шагом семьи Чжоу за пределы города Фэнши. Используя ее как ось, они распространяли свои секретные дела на регионы Тибета и Синьцзяна, а также на юго-восточные прибрежные районы. Это была внутренняя сеть влияния, охватывающая практически весь юго-восток и северо-запад страны.

Чжоу Да и Чжоу Эр отвечали за два ключевых узла — Сычуань и провинцию Гуандун.

Чжоу Да с улыбкой встретил Чжэн Ютина, оставил ему своих помощников и в тот же день, по требованию старика Чжоу, вернулся в Фэнши.

Чжэн Ютин прекрасно понимал, зачем ему оставили помощников, якобы для помощи, но его больше интересовало, какое именно задание старик Чжоу поручил Чжоу Да.

Что это за дело, которое нужно было передать лично, без малейшей возможности утечки? То, что не должно было стать известно ни нынешнему Жэнь Ю, ни силам старого Су из Наньяна? Не станет ли это прорывом, который семья Чжоу так долго искала?

Однако на третий день после его прибытия в Сычуань в Фэнши произошло событие, которое полностью переключило его внимание.

Заместитель мэра Фэнши Чжэн Цзиньфэн был тяжело ранен и доставлен в больницу!

В день происшествия.

— Мэр Чжэн, вы уже уходите?

Именинник Гао Чжэнфэй, один из трех заместителей мэра Фэнши, подошел к Ли Хуэю, который прощался с хозяевами дома. Гао был «старичком», который дольше всех продержался на своем посту, и пропустить его юбилей никто не осмелился. Он крепко пожал руку Фэн Ао и с улыбкой попытался его задержать, но тот ответил:

— Не хочу мешать вам принимать других гостей, занимайтесь делами, не обращайтесь на меня внимания.

— Похоже, удержать вас не удастся. Что ж, — он повернулся к Ли Хуэю, — я видел, что младший Чжэн выпил немало, присмотри за ним получше.

Фэн Ао никогда не скрывал своего доверия и особого отношения к Ли Хуэю с тех пор, как взял его под свое крыло. Секретарь У, которого приставили к нему, уже давно превратился в изгоя.

Все в Фэнши видели это ясно, и никто не был удивлен. Во-первых, помощник Ли приехал с мэром Чжэном из столицы, так что его положение было оправдано. Во-вторых, кто не знал о сложных интересах секретаря У? Любой, у кого есть хоть капля мозгов, понимал, как обращаться с таким неверным подчиненным.

Заместителя мэра Гао в городе называли улыбающимся тигром. Его лицо, покрасневшее от вина и сияющее от улыбки, выглядело еще более доброжелательным. Он сказал Фэн Ао:

— Скажи водителю, чтобы был осторожнее, сейчас на дорогах беспокойно.

Улыбка Фэн Ао едва заметно дрогнула. Он прямо посмотрел в глаза Гао Чжэнфэю и медленно кивнул.

Обменявшись еще парой фраз, Фэн Ао вместе с Ли Хуэем уехал. Гао Чжэнфэй смотрел им вслед, и в его глазах, сузившихся от жира и улыбки, блеснул холодный свет.

Как только Фэн Ао уехал, к Гао подбежал кто-то и сообщил, что секретарь партийного комитета Фан тоже ушел. Гао улыбнулся еще шире, кивая с видом искреннего удовольствия, но никто не знал, что у него на уме.

Получив звонок от секретаря, Фан поднял голову и увидел подъезжающую машину Фэн Ао.

— Я вижу, до связи. — Он повесил трубку и сказал водителю: — Догоняй.

Две машины ехали друг за другом по менее оживленной дороге, пока автомобиль Фэн Ао не остановился на обочине.

Машина позади тоже сразу затормозила. Секретарь Фан вышел и направился к машине Фэн Ао. Ли Хуэй вышел навстречу, и, видя, что его босс не собирается выходить, опустил стекло:

— Что-то случилось?

Секретарь Фан не собирался объясняться перед помощником. Он сам залез в машину, закрыл дверь и плотно задвинул окно, которое Ли Хуэй предусмотрительно опустил для разговора.

Водитель, поняв ситуацию, вышел из машины.

Время не позволяло Фаню использовать привычные обходные пути, поэтому он сразу перешел к делу:

— Я пришел сегодня, чтобы попросить вас, брат Чжэн, об одолжении.

— Слушаю.

Секретарь Фан сказал:

— Брат Чжэн, большинство документов по линии полиции проходит через тебя. Есть одно дело, в котором мне нужна твоя помощь.

Фэн Ао как заместитель мэра действительно имел такие полномочия, хотя обычно документы уже приходили в готовом виде. За полгода не было ни одного крупного дела, кроме недавнего скандала с безопасностью, который уже вышел за рамки его компетенции. Поэтому подобные бумаги обычно просматривал Ли Хуэй или секретарь У, а Фэн Ао просто ставил подпись.

<http://bllate.org/book/22486/2370857>